

40.1945

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИЗУЧЕНИЕ
ЛИТЕРАТУР

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
М. П. АЛЕКСЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1976

МТА
КК

Т. КЛАНИЦАН (Будапешт)

ПЕТРАРКИЗМ В ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Отличительные особенности петраркизма — главного течения в лирической поэзии Ренессанса — это утонченность и классическое совершенство формы, богатая образность, обилие метафор, изысканных и нередко условных. Легко представить себе, как могла родиться и расцвести такая поэзия в куртуазном обществе, состоящем из людей тонко воспитанных, широко образованных и интеллектуальных. Тем удивительнее кажется тот факт, что петраркизм смог зародиться и прижиться в Венгрии — стране, которая в силу исторических обстоятельств надолго была превращена в поле битвы.

Своему становлению и развитию эпоха Ренессанса в Венгрии обязана деятельности короля Матяша Корвина (1458—1490). Он был одним из тех просвещенных монархов, которые не жалели ни сил, ни средств для возвышения своего государства и придания ему блеска и всячески покровительствовали развитию при своем дворе искусства и литературы. Но не прошло и нескольких десятилетий после его смерти, как Венгрию наводнили турки, и страна на полтора века оказалась ввергнутой в непрерывную войну со всеми ее бедствиями и превратностями.

Однако упадок Венгрии был вызван не только иноземным нашествием; катастрофическое поражение в битве при Мохаче (1526) послужило сигналом для воцарения в стране самой разпущенной апархии и смуты. Из произведений венгерских писателей XVI в. выплывает наводящая ужас картина варварства и разгула диких, ничем не сдерживаемых страстей. Мысль о конце света овладевает умами, и тема возмездия и страшного суда постоянно звучит в большинстве литературных произведений этого времени.

Такая воинственная и наполненная апокалиптическим страхом общественная атмосфера, казалось бы, не могла создать благоприятных условий для развития петраркистской лирики. И тем не менее одновременно с разрушительными силами в общественной

жизни Венгрии возникали и проявляли себя силы созидательные. Венгерские феодалы, главным занятием которых были битвы, грабежи и насилие, мало-помалу научались употреблять свои богатства, приобретенные неблагоприятными способами, на благородные цели и создавали в своих владениях дворы, в которых расцветало Возрождение. Таким образом, вторая половина XVI в. в Венгрии была озабочена возобновлением, как бы «второй волной» Ренессанса. В этом новом расцвете культуры петраркизм занимал значительное место. Но особые исторические условия — перманентное состояние войны и неослабевающая угроза вторжения извне — придали «золотому веку» искусства в Венгрии своеобразные, специфические черты именно для этой страны.

Венгерские феодальные правители, которые к середине XVI в. завоевали огромные земли и создали в своих крепостях и феодальных замках дворы, по пышности и роскоши не уступавшие дворам европейских монархов того времени, при всем этом оставались в душе солдатами и главным своим призванием считали войну. Поэтому их замки и крепости были одновременно центрами и культурными, и военными. Внутри они были обставлены с самой изысканной роскошью: прекрасные собрания картин, библиотеки, лоджии и галереи, украшенные росписью и лепкой, сады и оранжереи с редчайшими и дорогими цветами и растениями, вывезенными из-за границы; снаружи это были грозные бастионы с жерлами пушек, выглядывающими из бойниц, с головами турок, торчащими на копьях над зубцами крепостных стен, окруженных рвами с водой.

Эти укрепленные замки обычно были густо населены, и население каждого из них составляло как бы модель иерархического общества. Сеньора окружали многочисленные дворяне-вассалы; еще более многочисленными были молодые люди и девицы — дети этих дворян, — присланные ими туда из родовых поместий, чтобы они обучались благородным манерам и приобрели придворный лоск; затем шли священники, учителя, множество приглашенных гостей, слуги, постоянный гарнизон замка, всегда довольно значительный, а кроме того, — содержавшиеся в подземельях пленники-турки.

То обстоятельство, что дворы венгерских феодалов существовали, как тогда говорили, «в самой пасти турков», придавало им своеобразный характер, наложивший специфический отпечаток на всю эпоху Возрождения в Венгрии.

Во внутренних покоях таких замков жили на итальянский манер, описанный в «Придворном» Балтасара Кастильоне: слушали итальянскую музыку, читали и передавали друг другу томики Петрарки и Ариосто. Но все это происходило в среде, сохранявшей варварский, воинственный и героический дух. И литература, рождавшаяся в этой среде, отражала ее двойственную сущность.

В эпоху позднего Ренессанса — во второй половине XVI в., когда вся культура и образ жизни в Европе приобрели гедонстическую утонченность, культура Венгрии не могла позволить себе ни оторваться от суровой реальной жизни, ни окунуться в праздное времяпрепровождение. И венгерская аристократия, давшая отечественной литературе ее первых великих поэтов, была твердо убеждена в том, что книги и оружие, перо и сабля неотделимы друг от друга.

Мне бы хотелось показать порожденные описанными выше условиями поэтические особенности и своеобразные черты венгерского Ренессанса на одном характерном примере — творчестве крупнейшего венгерского лирического поэта XVI в. — Балашши.

Балашши, родившийся в 1554 г., ведет происхождение от одного из наиболее знатных венгерских родов. Но его отец после ссоры с Венским двором потерял значительную часть своего состояния. Поэтому жизнь Балашши оказалась полной приключений. Чтобы вернуть себе родовые богатства, он затеял окончившийся неудачей судебный процесс, затем несколько раз был вынужден искать убежища в Польше, где его очень хорошо принимали при Краковском дворе; не раз он принимался на военную службу в гарнизоны прифронтовых крепостей, а его любовные приключения создали ему довольно сомнительную правительственную репутацию. Однако превратности судьбы и постоянные передвижения не мешали Балашши приобрести широкое образование — он знал восемь иностранных языков. Сам он любил называть себя «приемным сыном Венеры», созданным для любви, но при этом самым благородным из всех занятых на свете считал умение владеть саблей и воевать с турками. А бессмертие он заслужил своим поэтическим творчеством. В 1594 г., во время осады Эстергома, вражеское пушечное ядро положило конец этой богатой жизни, прошедшей под знаками доблести, поэзии и любви.

Петраркизм — главное направление в творчестве Балашши. Это поэтическое течение, распространившееся в XVI в. по всем европейским странам, приобрело довольно большую популярность в Венгрии еще до того, как Балашши вошел в литературу, но венгерская любовная поэзия, созданная на основе петраркизма, представляла собой лишь светские мадригалы, не более. Это были любовные песенки (они по венгерской традиции пелись, а не произносились, и исполнялись только под музыку), украшенные обычными, уже хорошо известными «петраркистскими» мотивами, но не скрепленные строгими рамками сонета, растянутые, многословные и довольно бессвязные.

И сам Балашши в раннем периоде своего творчества сочинял песенки такого рода. Но уже очень скоро он сумел поднять традиционное искусство светского мадригала на высоту настоящей ученой поэзии Ренессанса. В этом ему, безусловно, способство-

вало глубокое знание латинской гуманистской поэзии XVI в. Наибольшее влияние оказали на него два поэта, которых он считал своими главными учителями: это — ныне совсем забытый, но некогда высоко ценимый поэтами Пляды греко-итальянский поэт Марулл и крупнейший из поэтов-лириков эпохи гуманизма, писавший по-латыни, фламандец Янус Секундус. Балашши перевел (или переложил) с латыни на венгерский язык многие произведения этих двух поэтов. Именно они помогли ему оторваться от установившейся в Венгрии традиции сочинять стихи для песни и ввести в литературный обиход «чистые стихи», не нуждавшиеся в поддержке мелодии. Он же внедрил в венгерскую поэзию заботу о тщательной отделке формы стиха, свойственную всей поэзии Возрождения и традиции петраркизма, в частности. Благодаря Балашши венгерская лирическая поэзия одним скачком поднялась до уровня поэзии европейской.

Но нас в его поэтическом наследии больше всего интересует именно то, что является личным творческим вкладом самого Балашши, те новые элементы, которыми он обогатил европейскую лирику эпохи Возрождения.

Творчество Балашши свободно выдерживает сравнение с поэтическими произведениями его современников. Причины тому много, но главнейшие из них — индивидуальность и достоверность его поэзии, умение выразить в ней подлинную «страсть», вдохновляющую автора. Подлинность и искренность чувства позволяют Балашши избежать условности и схематизма, которыми грешат многие «петраркизирующие» поэты его времени.

У Балашши дама его сердца никогда не является некоей бесплотной абстракцией, а формальное совершенство стиха — игрой или самоцелью. Его чувство всегда конкретно, искренне и пылко, и форма — лишь орудие для выражения этого чувства. В этом отношении особенно характерны и интересны объединенные в один цикл стихи, посвященные Анне Лошонци, — самой большой любви поэта, — которую он, как и Янус Секундус свою возлюбленную, называет Юлией.

Вслед за подавляющим большинством адептов любовной лирики Ренессанса Балашши понимает высокую любовь как платоническое чувство. Избранница его сердца — воплощение идеальной красоты, благосклонность ее — небесное блаженство; стихи поэта полны философских реминисценций. Тем не менее Балашши удается создать образ не только идеальный, но и живой, философскую идею воплотить в образе реальной женщины из плоти и крови и с помощью совершенной гармонической формы установить равновесие между абстракцией и чувственно-конкретным обликом, между идеей и земной страстью. В его любовных стихах ни один из этих элементов не вытесняется за счет другого, но их сочетание и переливы все время поддерживают в читателе восхитительную неуверенность: он так и не может до конца понять, идет

ли речь о воплощенном в поэзии неземном идеале или — о земной женщине, идеализированной и поднятой до недостижимой высоты.

Но помимо таланта, богатства чувства и высокого поэтического мастерства, оригинальность творчества Балашиши в значительной мере является результатом тех особых условий жизни в Венгрии XVI в., о которых было рассказано выше.

Если другие «петраркизирующие» поэты сочиняли свои стихи при дворах королей в городах, где процветало искусство и литература, среди мирной жизни и роскоши замков и дворцов, то Балашиши мог отдаваться поэтическому творчеству только в промежутках между боями; он писал на бивуаках, под открытым небом, при свете звезд или сидя верхом на лошади по пути в изгнание, на дорогах то в Польшу, то в Трансильванию. И это — не метафоры, а конкретные исторические факты. Сам Балашиши во многих своих стихотворениях точно описывает обстоятельства и окружение, в которых они создавались. Так, например, к одному из переводов Марулла он добавляет следующие строки:¹

Это написано поэтом Маруллом по-латыни и мною по-венгерски,
Ибо я перевел эти стихи с латинского языка, лежа в траве
рядом с моим добрым конем
И перебрываясь шутками с моими храбрыми слугами,
помогающими мне развеять мою печаль.

Одно из лучших своих любовных стихотворений он написал «... по дороге в изгнание, глядя на журавлей», другое «... проснувшись у чистого родника», или «... среди горных вершин и деревьев в пустынных местах», иначе говоря, в Карпатских горах.

Прочитываемые нами строки перевода из Марулла очень показательны: в них отчетливо видно, что именно привнес сам Балашиши, а следовательно, и мир, в котором он жил и который отразился в его поэтическом творчестве, в поэзию эпохи Возрождения. Перевод из Марулла не был переводом в буквальном смысле, так как Балашиши всегда столь сильно трансформирует текст, избранный им для перевода, что лишь остов произведения и его главные сюжетные и риторические ходы напоминают нам латинскую поэму, от которой поэт отталкивался.

«Ad Manilium Phallum» — прелестная поэма, в которой Марулла описывает праздник весны, — поэма, воспевающая «прекрасный месяц — май». Но у Балашиши нежный городской средиземноморский пейзаж заменен широкой панорамой дикой природы, где цветы — не искусственное украшение крыш и порталов домов, а естественная красота не тропутых человеческой рукой лугов и горных склонов. «Девы и юноши», танцующие у Марулла с шалунишкой — Купидоном, у Балашиши меняют облик, помещаются на фон естественного пейзажа, а слова поэта, призываю-

щие к радости и забвению печалей, Балашиши обращает к «храбрым и доблестным товарищам», иначе говоря, к своим соратникам-воинам. Таким образом, Балашиши транспонирует буколическую поэму Марулла в иную среду и в иной мир чувств, ибо как само понятие весны, так и связанные с ним ассоциации у него иные, чем у итальянского поэта-гуманиста.

Для Балашиши весна — это время свободы, возможности испытать свои силы. Он воспринимает весну так, как воспринимает ее любой воин из пограничного крепостного гарнизона. А весна для солдата — самое радостное время года и залог надежд на благополучие в будущем. Зима — это время бездействия и лишения: бои прекращаются, жалование поступает с запозданием, солдаты голодают, кони их тоже кормятся плохо и слабеют. Запертые в стенах крепости, воины томятся, как в тюрьме, — так поэт-гуманист томится «в оковах» безжалостной траншеческой любви. Но приходит весна, а с ней — свобода, бесконечные скачки верхом по зеленым равнинам, победы над врагом, обильная добыча для солдат — одежда, дорогое оружие, красивые турчанки и свежий, душистый корм для их коней. Вот так же воспринимает весну и Балашиши. В его поэзии радостное волнение, вызванное весенним обновлением природы и возвышенно воспеваемое поэтами Ренессанса, смешивается с реальным повседневным жизненным опытом героического мира воинов. Слово «весна» в его любовной лирике соединяется, как хвалебный эпитет, с именем любимой им женщины. Но — несколько по-особому.

Так, в одной из ранних поэм он говорит о своей возлюбленной, что она прекрасна, «... как широкая равнина в благословенные дни весны». Здесь слово «благословенные» употреблено не как общепозитивский банальный эпитет. Солдаты пограничных гарнизонов, часто представлявшие собой существа довольно примитивного склада, думали (и говорили) о весне с неким религиозным благоговением. Троицын день для них был самым главным праздником в году. И Балашиши посвящает одну из своих поэм «благословенному» времени весны и Троицы. Любопытно, что в его «Похвале весеннему времени» мотивы различных весенних радостей расположены следующим образом: сначала описываются общие явления природы, затем «быстроногие скакуны» и лишь после этого — «доблестные солдаты-пограничники». Но именно их глазами, через их ощущения и чувства воспринимает и сам поэт прелесть и радость весеннего обновления земли. Нет ничего удивительного в том, что внутренний мир солдата отражается во всех поэмах Балашиши; именно это придает им то своеобразие и свежесть, ту живость и пластичность, которые отличают его творчество и выделяют его поэзию среди монотонного однопольного комплиментарной светской петраркистской поэзии его времени. Воинственным кличем солдата, идущего в атаку на врага, придает себе решимости Балашиши, отправляясь на завоевание благосклонности своей возлюбленной, Юлии; но и сама Юлия

¹ Здесь и в дальнейшем стихи даются в прозаическом переводе.

«...отважна, как солдат», и «...глаза ее, блистающие как два острых клинка», пронзают насквозь всякого, кто осмелится подойти к ней близко.

Именно этим глазам, смелым, пропитательным и могущественным, властно покоряющим себе не знающих страха воинов, посвящает Балаши одну из самых лучших своих строф:

Сверкающие, как драгоценные камни, как кровь на чистой стали,
освещенной солнцем,

Эти очи спяют мне с вышины, подобно звездам в ясную зимнюю ночь:
Давно уже они поработили меня, отняв у меня свободу...

Строфа эта взята из поэмы, особенно богатой петраркистскими реминисценциями. Но и здесь они гармонично сочетаются с мотивами, образами и сравнениями, взятыми из героической жизни самого поэта.

В венгерской «ветви» петраркизма, представленной Балаши, особенно отчетливо видны ее близость к жизни, сила чувства, страстность интонации, яркость и живость красок. При том что поэтическое творчество Балаши отличается редкостным совершенством и чеканкой формы, лукаво-пысканными сочетаниями слов и богатой рифмой, своей прощепитостью иногда приближающей поэта к маньеризму, поэмы его отнюдь не напоминают изнеженные редкостные цветы, выращенные в теплых, защищенных от малейшего дуновения оранжереях; нет, напротив, они больше походят на усыпанные яркими бутонами кусты дикого шиповника или на неуязвимые для любой погоды тюльпаны, растущие на недоступных человеку склонах высоких гор.

Свое созревшее за годы нелегкой жизни творчество Балаши поставил на службу доблестным воинам венгерских границ — тем, чье общество было единственным, в котором он чувствовал себя дома. В их честь воздвиг он бессмертный памятник. Особенно удалась поэту в этом отношении «Похвала венгерским воинам», написанная в 1589 г. История венгерской литературы заслуженно и с полным основанием называет эту поэму вершиной его поэтического искусства. В этой своей поэме Балаши возвращается к традиционной в Венгрии «солдатской песне», но обогащает ее лучшими достижениями европейской поэзии эпохи Ренессанса. Поэма эта по своему жанру приближается к большим эпическим поэмам, характерным для эпохи Возрождения и сочиненным для прославления какой-либо страны, или великой личности, или высокой добродетели, или, наконец, возвышенной идеи. И в самом деле, трудно было найти лучший предмет для поэтического вдохновения, чем жизнь и мир чувств храбрых и самоотверженных венгерских солдат, защищавших независимость своей страны.

В этой поэме, написанной с отточенным мастерством и глубоким знанием материала, динамично и красочно нарисованы различные эпизоды из жизни венгерских воинов, полной суровой красоты и опасности. Доблестные воители, защищающие свое

отечество от нападения врага, показаны поэтом как истинные носители этических идеалов гуманизма.

Но Балаши, о котором его современники и друзья часто говорили, что он был первым из поэтов своего времени, подобно «орлу, летящему вперед стаи мелких птиц», отличался от других поэтов, своих соотечественников и современников, лишь блеском и силой таланта. Его менее значительные собратья по перу писали в том же духе, что и он. Поэтому и можно говорить о Балаши Балаши не как об исключительном, непохожем на все остальные, явления своего времени, а как о наиболее представительном, наиболее крупном поэте в целой плеяде поэтов, создавших в Венгрии лирическую поэзию Возрождения.

Перевод с французского И. Я. Шафаренко.